

настороженно, а временами крайне негативно относившееся к старообрядцам, давало им возможность участвовать в общественно полезном труде, тогда поборники древнего благочестия трудились с полной отдачей сил. Поэтому так велик вклад старообрядцев в освоение Севера и Сибири, в развитие промышленности и сельского хозяйства.

¹ Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. – Новосибирск, 1988. – С. 17–32.

² РНБ. – Q. XVII. 200. – Л. 258.

³ Там же. – Л. 258 об.

⁴ Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Литературные источники первой четверти XVIII в. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 429.

⁵ См.: Юхименко Е. М. Неизвестная страница полемики выговских старообрядцев с официальной церковью: предыстория «Поморских ответов» // ТОДРЛ. – СПб., 1999. – С. 408–411.

⁶ БАН. – Собр. Дружинина. – № 114. – Л. 55.

⁷ См.: Маркелов Г. В. Преображенское кладбище в 1812 году: Свидетельство очевидца // Древлеправославный вестник. – М., 1999. – № 2. – С. 70–75.

⁸ См.: Юхименко Е. М. Акинфий Демидов и выговские старообрядцы // История церкви: изучение и преподавание. – Екатеринбург, 1999. – С. 230–235.

⁹ РНБ. – О. XV. 15. – Л. 132 об.

¹⁰ РГБ. – Собр. Барсова. – № 922. – Л. 38.

¹¹ РНБ. – Вяз. Q. 2. – Л. 47–47 об., 48–48 об.

¹² См.: Понырко Н. В. Эстетические позиции писателей Выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII век. – СПб., 1994. – С. 104–112.

А. С. Соболева
(г. Екатеринбург)

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ «РОДОСЛОВИЯХ»

Общепризнанно, что именно исторические сочинения старообрядцев наиболее интересно и полно воплотили процесс их поиска идентичности. Эта задача осозналась с неизбежностью, когда на протяжении нескольких поколений все глубже становился исторический разлом, и Святая Русь, единая прежде в пути своего спасения, оставалась в прошлом. Старовер-писатель В. Рябушинский, формулируя причины трагических переживаний староверов и круг эсхатологических идей, писал: «В связи с переживаемыми грозными явлениями исторической жизни русского народа в XVIII в. в сущности одна главная идея-вопрос была выдвинута старообрядчеством: исчезла ли благодать из мира вследствие того, что вся церковная иерархия впала в ересь, или же православная церковь все-таки существует и иерархия может быть восстановлена?»¹. В памятниках старообрядческой словесности создавался свой мир, противостоящий враждебному миру Антихриста, формировались свои правила поведения и морали, демонстрировались идеальные герои староверия.

Начиная с 30-х гг. XVIII в. оригинальные исторические сочинения не выходят из рукописной традиции староверия, переписываются, дополняются, создаются новые редакции. В рамках конкретных согласий развиваются собственные исторические размышления, и в данном докладе внимание привлекается к традиции поморского согласия, памятники которого хорошо известны исследователям и целый ряд их опубликован. В основе лежат труды Семена Денисова, созданные на Выге в первой половине XVIII в. С. Денисов создает широкое эпическое полотно житийно-агиографического характера «История об отцах и страдальцах соловецких». В заголовке автор так определяет задачи: «И первое убо о начале святых обители, когда созданся, каковыми ктиторами, каковыми законы, каковыми предания благочиния оградися. Таже и о живущих в ней отцах, каковыя святости елико высокого жития, якова чюдного воздержания бяху...»².

Сперанский отмечает, что История является «образцом агиографического повествования»³. Уже в самом начале автор разделяет всех героев на отцов – до восстания и на страдальцев и жертв – после восстания. Соловецкий монастырь – основание старообрядческого мира, с него начинается отсчет времени противостояния. Соловки – последний оплот Святой Руси, и начало драматического пути к концу мира. Соловецкие подвижники своими судьбами связывают старообрядческих деятелей со временем благодати на Соловках. С. Денисов использует образ дерева, жизнеспособность которого определяется тем, как взаимосвязаны все его составляющие: «от корене древо и от сего ветви, и от ветвей же плоды удобнейшие обьявятся». Зосима и Савватий трактуются в качестве основателей не только самого монастыря, но и идеи верности истинному православию. Для Семена Денисова важно выявить и утвердить механизм передачи идеи, внести в сознание читателей мысль о неразрывности с ос-

нователями и обосновать задачу преемственности старообрядческой веры в качестве онтологической категории. Не случайно Денисов постоянно призывает помнить о завещании и делах Зосимы и Савватия. По замечанию С. К. Староватовой, писатель использует в своих сочинениях принцип, который встречается в творчестве Аввакума, когда житийные источники, вошедшие в «Историю...», излагаются буквально одной-двумя фразами и дополняются легендарными подробностями.

«История...» наполнена описаниями видений, автор сравнивает подвиг и мужество защитников древнего благочестия с мужеством защитников Трои из «Троянской истории» Гвидо де Колумна «воеже написати Тройска града начало жительство и разорение, воеже показати мужы исполины храбрыя, великомощныя и крепкодушныя, иже за честь отечества даже до смерти подвизашася»⁴. Популярное на Руси сочинение раскрывало тему измены и захвата Трои в результате предательства, а также особой преданности троянцев отечеству. Используя эти параллели, Денисов трактует восстание и гибель соловецких монахов как воплощение патриотических чувств, и разорение монастыря царским «воинством» приравняется в видении юродивого Иоанна (похабного) к нашествию иноземцев⁵. Обращение к фольклору вводит в повествование образы обобщенно мифологического характера, таких, как змей, обвивающий шею будущего патриарха Никона в момент чтения им Евангелия (из рассказа о пребывании Никона в Анзерской пустыни). Перед читателем возникали контуры мифа о приходе чувственного Антихриста, развитого потом в сочинениях староверов⁶.

В другом историческом сочинении С. Денисова «Виноград Российский», дошедшем до нас в многочисленных рукописях, представляющих несколько редакций, описываются старообрядческие мученики, пострадавшие «за церковное благочестие». Структура сборника отличается открытостью, что способствовало внесению в него новых глав. В этом сочинении проявляются определенные демократические моменты в идеализации подвижников староверия. В связи с тем, что описывались деяния неканонизированных мучеников, в их состав могли включать местных подвижников и изменять степень подробности в описаниях. Разделение глав сборника по территориальному признаку (от Москвы, Владимира, до Новгорода, Олонца, Каргополя...) обозначали своего рода границы благочестия, носителями которых являются страдальцы за истинную веру. В сочинении обрисовывалось пространство распространения староверия и типологизируются сами страдания. Непреходящее значение памятника для мира старообрядчества состояло в осознании разнообразного типа противостояния власти и самому государю, утверждении глубокого недоверия к официальной церкви, воспитания стремления к передаче собственной веры последователям. Фактически утверждалась идея личной, зависящей от человеческой стойкости ответственности за сохранение веры и, следовательно, ответственности за грядущее спасение как собственной души, так и всей русской земли, которая жива праведниками. Центром этого пространства, которое оказывается способным противостоять Антихристу, оказывалось Выговское общежитие. Обращаясь к идее начала, автор обосновывает «преемственность Выговской пустыни по отношению к первым расколоучителям». Причем, если первая редакция (30-е гг.) «Винограда...» была ориентирована на грамотную и образованную аудиторию, то последующие упрощали и сокращали текст, отвечая потребностям менее грамотного читателя⁷.

Продолжением традиции выгорецкой историографии было широко известное сочинение И. Филиппова «История Выговской старообрядческой пустыни». Иван Филиппов закрепляет историографические принципы, которые разработал С. Денисов. Не случайно в исследовательском восприятии эти три сочинения составляют своеобразный «триптих» старообрядческой исторической мысли⁸. В сочинении Филиппова из сочетания исторических портретов создается образ великой Выгореции, подвижники которой разносят староверие по многим землям, близким и далеким, но всегда возвращаются на Выг, как в центр чистоты веры. Жизнь отдельного человека для Филиппова входит в часть общей истории Выга и может состояться только как воплощение жизни общежития. Не случайно Филиппова назовут «географом выгорецким».

Сочинения Филиппова уникальны по стремлению использовать конкретные описания исторических событий и биографические детали в контексте общей идеи, что только соединением усилий всех приверженцев староверия возможно достижение спасения. Многие герои Филиппова живут рядом с ним, талантливый писатель рассматривает их в условиях самой обыденной жизни. Сочинение Филиппова наполнено его собственными наблюдениями и свидетельствами очевидцев, имеющими качество документальной точности⁹. Описание жизненного уклада подвижников сделано с использованием этнографических деталей, оставляющих впечатление полнейшей достоверности. Показывая мысли и чувства не только подвижников, но и их противников, автор в каждой детали, каждым словом из речей персонажей утверждает драму разделенного мира. Рассказывая о самосожжениях, Филиппов сравнивает смерть с пиром, утверждает моральное превосходство староверов тем, что «готовы вси друг за

друга умереть, той же кончиною как можно поспеть и ускорить страдание» (из статьи о старце Филиппе)¹⁰. Статьи из сочинения Филиппова различны по степени завершенности, а сам текст в целом оставляет впечатление незаконченности. Причиной тому, вероятно, было то, что художественная задача создания образа современности для XVIII в. не была эстетически освоена ни в одной из литературных сфер. Дальнейшее продолжение исторической традиции в описании поморского согласия шло как в направлении агиографического очерка, основанного на автобиографических сведениях и воспоминаниях современников¹¹, так и в составлении истории Выга (1745–1759 гг.) летописного характера, сочиненная «самовидцем»¹².

В 30-х гг. XIX в. появляется историческое сочинение «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири», которое распространяется в рукописной традиции Урала и Зауралья в местах проживания староверов¹³. Авторами его являются приверженцы старообрядчества, искренне заинтересованные в сохранении веры, но не имеющие такого качественного книжного образования, которое было присуще писателям выговской школы. Сочинение основано на соединении нескольких сюжетов. Во-первых, это рассказ о выговском писателе-рудознатце Гавриле Семенове, сочинения и биография которого известны в рукописной традиции поморского согласия. Во-вторых, пространный рассказ о главе поморского согласия на Урале Стефане Кузмиче Тельминове, основанный на родовых преданиях. Наконец приводится легенда о царском секретаре (в другом варианте – духовнике) Игнатии Воронцове, высланном в Екатеринбург за староверие и долго скрывавшем свое истинное благородное происхождение. В устно-поэтическом бытовании эта легенда дожила до наших дней. Под пером писателя всех их сводит в уральском селе Таватуй (центр поморского согласия на Урале в XVIII в.) забота о сохранении старообрядческой веры. Преемственность основывается на передаче духовной благодати от времени царя Алексея Михайловича через выговских эмиссаров уральским староверам. Род Тельминовых – восприемников старообрядчества на Урале освящен кровными родственными связями. Основатель рода Тельминовых Михаил, по преданию, погибает в знаменитой Кушунской гари, а его внука Стефана Кузмича, ранее попавшего в силу обстоятельств в православие, перекрещивает в староверие Гаврила Семенов.

Обращение к документам раскрывает путь художественного преобразования фактов. Так, миф о неузнанном герое, имевшем в прошлом знатное происхождение и ставшем основателем староверия на Урале, превращает известного по судным делам участника булавинского восстания Игнатия Воронкова в «благородного по происхождению» Игнатия Воронцова. Его благословение Гаврилы Семенова вряд ли было возможным из-за хронологической нестыковки. В момент посещения Семеновым с братом Никифором и Трифоном Петровым Сибири (1742 г.) Игнатий Воронков находился под следствием. Стефан Кузмич тоже не мог быть 10-ти лет перекрещен в это время, так как дата его рождения около 1752–53 гг.¹⁴. Но предание, а следом и писатель сводят вместе эти события, так как важен момент единения героя, символизирующего собой дониконовское время с авторитетнейшими наставниками, несущими в себе духовную силу Выга, и крестьянами Тельминовыми, основателем рода которых является мученик.

Путь к сохранению веры в крестьянской среде осознается в связи с категорией рода, и крепость семейно-родовых уз – основа для продолжения старообрядческой идеи. Агиографическая задача повествования сменяется в данном сочинении идеей родоприимства, как кровного, так и духовного «христианского родоприимства». Значение родовой идеи для человека отмечал А. Ф. Лосев: «Каждый человек принадлежит роду... Род, родственные отношения – вот что останется с человеком всегда, как бы не уходил человек в отвлеченные рассудочные взаимоотношения», – пишет философ в трудное время Отечественной войны. Именно родовые связи, по мнению Лосева, позволяют не обособиться человеку в его эгоистическом стремлении к выделению своего «я». «В человеке нет ничего, что было бы выше его рода». Именно в слиянии человека с родом воплощено его предназначение. «И живу я так, что это жизнь и моя и рода». При этом свой «род» возникает и в духовном мире человека. И это, по мнению философа, входит в понятие Родина и составляет нравственное содержание жизни человека. С понятием «родовая жизнь» Лосев соединяет любовь и жертвенность, как основу онтологической сути человеческого существования¹⁵.

В «Родословии поморского согласия» открываются рассуждения крестьянства, удивительно близко стоящие к философским выкладкам двадцатого века. Актуализация древнейших родовых связей человека, скорее всего, вызывается ощущением кризиса и несостоятельности других общественных институтов.

Распространение старообрядческого вероучения в народной среде приводит к утрате историко-конкретных качеств в старообрядческой прозе, лучшим достижением которой были сочинения выгов-

ских писателей, и приданию значимости событиям через обращение к мифологическим мотивам в исторических преданиях¹⁶.

¹ Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М.-Иерусалим, 1994. – С. 53.

² История об отцах и страдальцах соловецких. – Супрасль, 1788. – Л. 3 об.-4.

³ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. – М., 1963. – С. 118.

⁴ Староватова С. К. К вопросу об источниках «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Археография и источниковедение Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 156–157.

⁵ История об отцах и страдальцах соловецких. – Л. 11 об.

⁶ Подробнее см.: Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой литературе периода позднего феодализма. – Новосибирск, 1988.

⁷ Юхименко Е. М. «Виноград Российский» Семена Денисова (текстологический анализ) // Древнерусская литература. Источниковедение. – Л., 1984. – С. 262.

⁸ Там же. – С. 249.

⁹ Там же. – С. 188.

¹⁰ Гурьянова Н. С. «История Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова (к истории создания текста) // Памятники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. – Новосибирск, 1991. – С. 195.

¹¹ Гурьянова Н. С. «Житие» Ивана Филиппова // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). – Новосибирск, 1989. – С. 227–253.

¹² Гурьянова Н. С. Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. – Новосибирск, 1989. – С. 221–244.

¹³ Соболева Л. С., Пихоя Р. Г. Царский секретарь Игнатий Воронцов и донской казак Игнатий Воронков: (К истории новонайденной повести «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири») // Новые источники по истории борьбы трудящихся Урала. – Свердловск, 1985. – С. 60–81.

¹⁴ Мангилев П. И. Из истории урало-сибирского старообрядчества XVIII-XIX в. Крестьянин Стефан Кузьмич Тельминов // Религия и церковь в Сибири: Тез. и мат-лы науч. конф. – Тюмень, 1990. – С. 10–14.

¹⁵ Лосев А. Ф. Жизнь // Юность. – 1990. – № 5. – С. 78–90.

¹⁶ Уместно вспомнить замечание М. Элиаде, что «народная память с трудом удерживает «индивидуальные» события и «подлинные» лица. В своем функционировании она опирается на отличные от истории структуры: использует категории вместо событий, архетипы вместо исторических персонажей. Историческое лицо ассимилируется со своей мифической моделью (герой и т. п.), а событие интегрируется в категорию мифических действий (борьба с чудовищем, братом, ставшим врагом, и т. д.). Если в некоторых эпических поэмах и сохранилась так называемая «историческая правда», то обычно она «правдива» в отношении к социальным институтам, обычаям и пейзажам, но почти никогда к определенным персонажам и событиям». (Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 70).

Н. Д. Зольникова
(г. Новосибирск)

ПЕЧАТНАЯ КНИГА В ПОЛЕМИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ УРАЛО-СИБИРСКИХ СТАРОВОЕРОВ-ЧАСОВЕННЫХ: ОТ XVIII в. К XX в.*

Печатная книга в старообрядческих библиотеках Урала и Сибири занимала очень важное, в некоторых регионах доминирующее, место; это бросалось в глаза уже в археографических экспедициях. Ничего удивительного: именно печатные книги церковного круга на церковнославянском языке, необходимые для православного богослужения, составляли основу любого значимого старообрядческого книжного собрания. Обязательный цикл церковного круга дополнялся сборниками произведений отцов церкви, четьими-минеями и т. п. Вся эта литература принадлежала к древнерусскому наследию, которое продолжало активную жизнь в культуре староверия. Особенно среди этой печатной продукции всегда ценились так называемые «патриаршие книги», т. е. изданные при «благочестивых патриархах» (в отличие от «неблагочестивого», расколовшего церковь своей реформой патриарха Николая).

Однако в старообрядческих книжных собраниях всегда было много и более поздних церковнославянских изданий. Значительная часть их – издания XVIII – начала XIX в., выпущенные в том числе и тайными старообрядческими типографиями, обслуживавшими книжный рынок староверов. С одной стороны, эти издания были приближены к востребованным на указанном рынке. С другой стороны, исследователи позднего старообрядческого книгопечатания сделали наблюдение, важное для понимания эволюции старообрядчества во времени: стараясь следовать «дониконовским» образцам, типографы из Могилева, Чернигова, Вильно, Супрасля, Почаева, Гродно, Варшавы, стародубского посада Клинцы, Ясс, Махновки, Янова не занимались элементарным копированием, а привносили в предна-

* Написано при финансовом содействии РГНФ (проект № 99-01-00448).